

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.18>

Кутищев Александр Васильевич

"ГАЛАНТНАЯ ВОИНСТВЕННОСТЬ" ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО БАРОККО

Статья посвящена социальной культуре западноевропейского и отечественного дворянства XVII-XVIII веков, рассматриваемой через призму военного дела. Утонченность, манерность и декоративность создают в западноевропейском обществе отвлеченные от реальности представления о войне. Под влиянием иллюзорных образов происходит переоценка войны, блекнет её восприятие как катастрофы, несущей смерть, страдание, разруху. Вычурная галантность барокко формирует своеобразную "легкомысленную" воинственность западноевропейского общества. Эта черта разительно контрастирует с отечественной культурной традицией отторжения войны во всех её формах и проявлениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 96-101. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 1

Дата поступления рукописи: 15.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.18>

Статья посвящена социальной культуре западноевропейского и отечественного дворянства XVII-XVIII веков, рассматриваемой через призму военного дела. Утонченность, манерность и декоративность создают в западноевропейском обществе отвлечённые от реальности представления о войне. Под влиянием иллюзорных образов происходит переоценка войны, блекнет её восприятие как катастрофы, несущей смерть, страдание, разруху. Вычурная галантность барокко формирует своеобразную «легкомысленную» воинственность западноевропейского общества. Эта черта разительно контрастирует с отечественной культурной традицией отторжения войны во всех её формах и проявлениях.

Ключевые слова и фразы: европейское барокко; нравы дворянства; Людовик XIV; галантность; воинственность; роскошь; расточительство; гротеск; декоративность; «война в кружевах».

Кутищев Александр Васильевич, к.и.н., доцент

Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург
kutishhev@yandex.ru

«ГАЛАНТНАЯ ВОИНСТВЕННОСТЬ» ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО БАРОККО

Культурно-цивилизационная самобытность в её отдельных проявлениях и формообразованиях всегда вызвала интерес историков. Цель настоящей статьи – исследование культурно-ментальных аспектов войн Западной Европы и России. Хронологические рамки охватывают период позднего феодализма, время расцвета культуры барокко, распространившей своё влияние на все сферы жизни европейского общества. В центре исследования – дворянство, главное военное сословие эпохи, его манеры, нравы, отношение к войне и к военной службе. Статья основывается на социокультурных теориях Н. Элиаса и А. Гуревича [11; 24; 25]. Полагаясь на их понимание сущности средневековой культуры, значения и роли этикета для поддержания стабильности феодального общества и государства, были сформулированы основные выводы настоящего исследования. Важным источником для изучения образа жизни западноевропейского дворянства XVII-XVIII веков стала обширная мемуарная литература. Воспоминания А. Сен-Симона, Евгения Савойского, Ф. Боссампьера, С. Вобана, А. Сен-Илера [22; 30; 33; 44-46], переписка Дж. Мальборо, К.-Л. Виллара, Ч. Петерборо [30; 37; 38] на богатом фактическом материале раскрывают культурный образ дворянства на фоне непрерывных военных кампаний эпохи. Сведения о военных обычаях и манерах офицерского корпуса европейских стран были почерпнуты из работ таких авторов, как А. Бабё, А. Корвисье, Л. Мантенон [26; 31; 32; 43]. Кроме того, в статье отражены современные исследования истории европейского дворянства таких авторов, как Дж. Линн, М. Юнкельман, Н. М. Скотт, Дж. Луковски [39; 40; 42; 50; 51].

Выводы об отношении к войне русского общества основываются на письмах и переписке Алексея Михайловича, Петра Великого, мемуарах и воспоминаниях, журналах и дневниках участников войн России рассматриваемой эпохи, на «Дворцовых разрядах» и постановлениях Правительствующего Сената, материалах многочисленных сборников исторических документов, таких как Акты московского государства, «Дополнения к актам историческим...», источниках Российской археографической комиссии [1; 3; 4; 9; 12-16; 18; 19; 21, кн. 9, л. 242; 23].

Культура барокко утверждалась в Западной Европе в эпоху Позднего Возрождения. Она отражала сложные культурно-цивилизационные процессы, происходящие в европейском обществе в XVI-XVII вв. Одним из исходных постулатов социальной культуры барокко было отрицание естественности как характеристики существования человека. Естественность становилась синонимом дикости, вульгарности и сумасбродства. Социокультурный остракизм подкреплялся солидным философским обоснованием. Естественное состояние человека в интерпретации Дж. Гоббса – это анархия, хаос и война всех против всех. Естество предлагалось облагородить на началах разума. Протест против естественного порождал преклонение перед неестественными формами

и проявлениями. Не только культура и искусство, но и стиль поведения, мода, образ мысли – всё приобретает налёт галантности, утончённости, причём выражается в гротесковой, вычурной, экспрессивной манере.

Горячим ревнителем галантного стиля и изящных манер становится европейское дворянство. Одним из законодателей моды был сам Людовик XIV, личность которого стала олицетворением эпохи. Вместе с дворянством салонная культура проникает и в военную сферу, властно утверждая там утончённость и манерность французского двора. Брат короля, герцог Орлеанский «появлялся на поле брани напудренный, надушенный и нарумяненный, с подведёнными ресницами, в облаке лент, кружев, в сиянии бриллиантов. Даже в бою он – без шляпы из опасения помять локоны пышного парика. <...> Единственно, чего он опасался, это солнце и пыль, которые приводили его в полное смущение» [47, р. 49].

Исследователь французской армии XVII-XVIII вв., А. Бабё, так описывает обычный день офицера гарнизонного полка. Практически всё утро он проводит у зеркала, лишь к обеду спускается из номера к столу, как кукла, расфранченный. Жеманным взглядом он окидывает завсегдатаев постоянного двора, при этом прихорашиваясь и поправляя пышный парик. Его лицо густо напудрено, на щеке – кокетливая мушка. Вечер, как всегда, коротается за карточной партией. «Он несколько оживляется, когда подают фрикасе из нежнейшей телятины, к чему питает неподдельный интерес, чего не скажешь о служебных делах, которые у него вызывают только приступ подагры» [26, р. 230].

Стремление к роскоши, её навязчивая демонстрация становятся неотъемлемым атрибутом армейской жизни. Изобилие яств, пышность туалетов, многочисленная прислуга, искусство поваров, богатство посуды, фарфор, хрусталь – всё это как-то не вязалось с трудностями полевой жизни и военного похода, но становилось важным сословно-статусным критерием. «Одно из главных достоинств полковника заключается в умении содержать роскошный стол, – считалось в век Людовика XIV, – это, пожалуй, главное, за что его ценит командование и уважают сослуживцы» [Ibidem, р. 175].

Обычной темой полковых пересудов были случаи, когда «некий полковник превзошёл генерала в сервировке стола» или как «один капитан решил затмить всех своих сослуживцев, главным образом, за счёт состояния родителей» [Ibidem]. Маркиз Н. Бирон, пленённый при Оуденарде англичанами, восхищается богатством и пышностью обедов у принца Евгения и с презрением отзывается о скупости герцога Мальборо, который предпочитает ужинать за чужими столами [34, р. 162].

Апофеозом бахвальства стали маневры, проведённые Людовиком XIV в Компьене летом 1698 года. По словам А. Сен-Симона, это была настоящая «ярмарка тщеславия». Целые состояния тратились, чтобы не уронить честь перед королём, выделиться, перещеголять соседей. «Действительно, все войска были до того превосходны, что непонятно было, какой части отдать первенство; к тому же их командиры добавили к величественной и воинственной красоте солдат, оружия и лошадей придворную пышность и наряды, а офицеры поистратились на мундиры, которые могли бы служить украшением любого праздника» [22, с. 20].

Иногда казалось, что война для дворянства – лишь повод продемонстрировать галантность манер и щедрость. Стремление к роскоши и обострённое честолюбие заставляли многих просто забыть о самих боевых действиях. Война становилась делом второстепенным, что пагубно сказывалось на боеспособности армии. Особенно это касалось огромных офицерских обозов со слугами, кухнями, запасами продуктов, которые снижали маневренность войск [29, р. 28; 33, С. 9-10]. В одном из походов французские офицеры самовольно разобрали для личных нужд более 1000 лошадей артиллерийского обоза, бросив пушки на произвол судьбы. Во время кампании 1705 года во Фландрии генерал Слагенберг, чтобы пропустить обоз с личными вещами, задержал артиллерию, выдвигавшуюся на боевые позиции. Шанс нанести поражение противнику был упущен [27, р. 36-37].

Нужно отдать должное европейскому офицеру – напускная женоподобность не снижала его боевых качеств. Войны эпохи барокко знали и настоящую отвагу, и стойкость, и верность долгу. Изнеженный и жеманный дворянин бравурует презрением к опасности. Настоящий героизм граничит с манерным позёрством. Хрестоматийным примером этого стал упомянутый Вольтером и затем широко растиражированный случай, произошедший при Фонтенуа 11 мая 1745 года. В ходе кровопролитного сражения лицом к лицу столкнулись английская и французская гвардии. Противники буквально изощрались друг перед другом в нарочитой галантности. Лорд Хэй вежливо предложил противнику стрелять первым. На виду у всех он поднял бокал за здоровье храбрых французов. В ответ граф Д'Антерош, сняв шляпу в грациозном поклоне, отвечал: «Монсеньёр, мы никогда первыми не начинаем, стреляйте же, наконец». Обменявшись любезностями, противники почти в упор открыли убийственную пальбу, моментально убив и покалечив десятки людей [40, р. 114].

Залитые кровью, заваленные трупами поля, умирающие раненные, кровь и страдания – эти ужасные картины не просто не гармонировали, но резко контрастировали с культурой галантности, утончённости и комфорта. В такие моменты страдающие нуждались в христианском милосердии, в простом сострадании, в человечности. Но сквозь пелену крови и страдания проступала всё та же бравада, позёрство и манерное кривлянье. В августе 1702 года во Фландрии встретились армии Людовика XIV и Великого Альянса. Несмотря на решимость англичан, их союзники голландцы посчитали обстановку неблагоприятной для боя. В конце концов Дж. Мальборо вежливо извинялся перед французским маршалом Л. Ф. Буффлером в том, что не дал повода «отважным французам» проявить свою храбрость, что битва сорвалась не по его вине [29, р. 292].

В 1705 году французы внезапной атакой овладели важной позицией у итальянской крепости Верруа, захватив в плен весь гарнизон. После того, как стидли выстрелы и рассеялись клубы дыма, галантный Евгений Савойский принёс извинения маршалу Л. Ж. Вандому за небрежность своего караула, не поднявшего вовремя тревогу, что лишило французов «чести» встретить достойное сопротивление [44, р. 36]. Особенно

отличались французские артиллеристы, которые во время осады одной из голландских крепостей через парламентёра пытались уточнить расположение квартиры штатгальтера Вильгельма Оранского, чтобы случайным попаданием не причинить ему неудобства [49, р. 61-62]. Испанский гарнизон крепости Монтмеди салютует орудийными залпами Людовику XIV, который прибыл лично возглавить её осаду [26, р. 262].

Восприятие войны через призму галантной культуры сочетало в себе малосовместимые качества: женоподобность и презрение к смерти, жеманность и отвагу, салонную утончённость и воинственность. Боевой дух культивируется в атмосфере утончённых манер, навязчивого тщеславия, стремления к чувственным наслаждениям, комфорту и показной роскоши. Смерть и страдание существуют рядом с нарочитой галантностью, настоящая отвага и великодушные неотделимы от позёрства.

Эта внутренняя противоречивость в конце концов не могла не трансформироваться в оторванные от реальности ментально-нравственные образы. Противоестественность и иллюзорность потеснили в европейских представлениях истину о войне. В этом обволакивающем дурмане почти удавалось завуалировать ужасные реалии. Образы войны в европейской культуре всё реже ассоциируются с разорёнными городами, сожжёнными сёлами, с грабежами и насилиями, с массовыми расправами над пленными и мирным населением, с убийствами женщин и детей, с реквизициями и контрибуциями, с голодом, разрухой и страданиями людей. Общественное мнение, почти убежденное в относительной безвредности войны, относится к ней снисходительно и терпимо. В барочной рефлексии война – это не культурная девиантность, не бедствие и не катастрофа, война – это обыденность европейской цивилизации.

Отныне вступление в войну не сопровождалось угрозами совести или глубокими нравственными переживаниями. Войны развязываются с поразительной легкостью и непринуждённостью, под самым пустяковым предлогом. Такие «легкомысленные» войны становятся обычным делом, заурядным событием позднефеодальной истории Европы.

Вместе с тем вычурная галантность никоим образом не смиряла воинственности европейского дворянства. Более того, она культивировала её, придавая ей некоторые свойственные эпохе черты и формы. Барочная война, война «в кружевах» становится привлекательным, прибыльным делом. Её романтический ореол привлекает в армию толпы дворянской молодёжи. Для неё война – это своеобразное развлечение, хотя и сопряжённое с риском для жизни. Опасность приятно будоражит дворянскую кровь между наскучившими балами, маскарадами и карточными партиями. «Для Луи XIV и его двора, по крайней мере, в молодости война представлялась чем-то типа сезонной охоты» [35, р. 13]. «Галантная» война чрезвычайно популярна. Во Франции на рубеже XVII-XVIII веков в армии служило от трети до половины всей дворянской молодёжи. Этот феномен видный исследователь эпохи Людовика XIV, А. Корвисье, назвал «беспрецедентной аристократической мобилизацией» [32, р. 341-343].

В немецких землях «уровень милитаризации населения был чрезвычайно высок. В XVIII веке в Ганновере, Гессен-Касселе, Брауншвейге и Пруссии по крайней мере каждый четвёртый мужчина от 18 до 45 служил в той или иной армии» [28, р. 57]. «Только в Гессен-Касселе при населении в 500 тысяч человек каждый 19 житель служил в армии» [Ibidem, р. 61].

Росту популярности военной службы способствует относительно умеренный, в меру комфортный и необременительный характер военных действий. То, что всегда отталкивало изнеженных аристократов от войны: неустроенность походной жизни, недостаток продуктов, холод, дожди, грязь полевых лагерей, – всё реже сопутствует европейским армиям. Войско максимально ограждено от неудобств и лишений. Боевые действия ведутся только в тёплое время года, армии выводятся в поле в конце мая и завершают боевые действия в конце октября. В походе насаждается настоящий культ чувственного наслаждения и роскоши [38, р. 34].

В отношении к противнику не было не только ненависти, но и просто враждебности. Корпоративная солидарность офицерского корпуса была неизмеримо выше только зарождавшейся национальной идеи. Аристократия представляла собой космополитичный общеевропейский социальный слой, верный кодексу рыцарской чести. Часто близкие родственники воевали по разные стороны линии фронта, и война никоим образом не посягала на родственные и сословные узы. Племянник знаменитого Дж. Мальборо, французский маршал Д. Ф. Бервик, часто обращался к знаменитому дяде за мелкими услугами. Владетельный дом Вадемонов разделился на сторонников и противников Людовика XIV. Курфюрст М. Э. Баварский и герцог В. А. Савойский с лёгкостью переходили из одного лагеря в другой. Генералы противостоящих армий в перерыве между боями запросто общались друг с другом, состязаясь в учтивости и галантности [30; 33; 36; 37].

Походы были весьма короткими и необременительными. Например, целью французской армии в кампании 1695 года была выбрана крепость Намюр, расположенная на дальности всего 5 переходов от французских рубежей. Образцовой для эпохи считается кампания 1697 года, в ходе которой была осаждена и взята крепость Ат, находившаяся на расстоянии 36 км от границ Франции [48, р. 22]. По воспоминаниям солдат, война протекала в комфортных, почти «тепличных» условиях. А. Сен-Симон описывает кампанию 1694 года как приятно проведённое время: «Наш лагерь на берегу Рейна выглядел совершенно как в мирное время» [22, с. 20].

Военные манеры и правила, навеянные культурой барокко, сохранялись вплоть до Великой французской буржуазной революции. Крах феодального строя, прежде всего, отразился на военной сфере, где дворянство окончательно утратило свою монополию и привилегированные позиции. Новые исторические эпохи несли человеческой цивилизации невиданные ранее испытания и потрясения, войны и революции. Изменился и характер войн, их военно-практическая реальность и ментально-этическая образность.

Между тем культурные традиции не исчезают бесследно в глубинах исторического небытия, они находят своё продолжение в делах и поступках грядущих поколений, возрождаясь в современных смыслах и формообразованиях. Так, отблески «салонной», «легкомысленной» воинственности прошлого всегда присутствовали в современном европейском сознании и в эпоху его зарождения, и в эпоху его зрелости. В XIX–XX веках это своеобразие создавало благоприятную культурную атмосферу для геополитических конфликтов и экономических противоречий. Возможно, слишком грубо и неправильно сводить всё к банальной агрессивности, но некоторое тяготение к военно-силовым методам европейскому обществу всё же было свойственно. Это находило выражение в легковесности принятия военных решений, в слабости нравственного иммунитета к милитаризму, в относительно низком, легко преодолимом ментальном пороге соскальзывания к войне. «Атлантическая» воинственность доказала свою жизнеспособность и неискоренимость, пережив даже апокалипсис мировых войн.

Между тем европейская воинственность резко контрастировала с русским культурным кодом. «Природное отвращение русского простонародья к войне» [16, с. 1115] неоднократно отмечалось проникательными иноземцами, посетавшими Россию в эту эпоху. С удивлением, чаще – с высокомерием, но тем не менее большинство иностранцев подтверждали: русский характер чужд воинственности, воинского духа, агрессивности [2, с. 75; 6, с. 14; 10, с. 7; 17, с. 210–211; 20, с. 83].

Салонная отвага, показная бравада и гротесковая декоративность отторгались не только русской культурной традицией, но и самой природой восточной войны. Война на Западе – дело благородного рафинированного дворянства, война на Востоке – тяжкий мужицкий труд «служилых людей». Нравы и стиль европейского дворянства были чужды помещику-земледельцу. Ментальная атмосфера русских армий была иной, представляла собой симбиоз высоких духовных добродетелей и холопской покорности, со своеобразным пониманием воинского долга и полным неприятием честолюбия. Природа, климат, культура и обычаи народа – всё отвергало культуру барочной войны. Восточная война имела мало общего с военной романтикой. Здесь доминировали иные образы: умение выжить в суровом климате, выносливость в изматывающих походах, ярость и беспощадность в бою, разорение и грабежи, насилие и варварство.

Смешанное чувство зависти и недоумения вызывают воспоминания участника войны Агсбургской лиги (1688–1697 гг.): «Сорок дней мы прожили в Хау-Бёкельхайме, наилучшем и наименее приятном лагере, какой только может быть, и при прекрасной погоде. <...> После столь долгого пребывания в этом лагере, где мы ни в чем не испытывали нужды, армия отступила на зимние квартиры» [22, с. 17].

В походе 1694 года в Германии французская «армия продолжала марш, делая при этом долгие привалы... Маршал де Лорж... расположился лагерем на равнине. Там, блюдя величайшие предосторожности, он оставался целую неделю, пока не истощились хлебные магазины в Филиппсбурге и не был съеден весь фураж в этой маленькой стране, после чего он отвел свою армию к Рейну» [Там же, с. 16].

В целом «комфортно» проходила общеевропейская война за испанское наследство (1701–1714 гг.). Знаменитый марш-маневр союзной армии Дж. Мальборо из Нидерландов на Дунай проходил буквально в «теплых» условиях. Удобные дороги, дружественное население, развитая инфраструктура, подвоз продовольствия – всё было заранее учтено. На привалах «солдатам оставалось только раскинуть палатки, вскипятить чайники и ложиться отдыхать» [27, р. 31].

С этими прямо-таки пасторальными сюжетами контрастирует суровая драма восточной войны. Вот только некоторые свидетельства, характеризующие лишения и трудности, которые становились обыденностью русских солдат и офицеров. Из сообщения воеводы М. Б. Шеина о походе на Смоленск 1632 г.: «...а ход у нас мешкотен, потому что дорогою грязи великие и многие лошади под нарядом и под пушечными запасы стали, а где мосты были по дороге мощены, и те мосты водою поносило, и пешим людям для великих грязей в походе великая нужда» [3, с. 397]. Царь Алексей Михайлович – о переходе от Смоленска до Орши в 1655 г.: «...наехали мы на речки и грязи многия, топкия, где довелось мосты мостить, а в иных местах гати гатить» [Там же, с. 410].

Из отписки князя Я. Черкасского – царю о походе на Динабург 1656 года: «Идём самыми тесными дорогами, и озера и болоты и грязи. И от тех безмерных грязей и болот лошади стали, а солдатские полки и телеги остались позади» [Там же, с. 519]. Из письма генерала Н. Чамберса – Петру I о походе Новгород – Ладога весной 1703 года: «А дорогою идя, нам зело трудно, потому что вода и грязь великия» [6, с. 48]. Из доклада фельдмаршала Б. Шереметева – Петру I из района Рославля, октябрь 1708 года: «Марш имел на день по шести и по пяти миль, и в такие пришли леса и грязи, что впредь таких маршей чинить не можем, и больше трёх миль на день идти невозможно» [19, с. 72–73].

Зимой 1708 года на Украине боевые действия не прекращались в условиях трескучих морозов: «И хотя наши большую часть дороги шли возле леса, также ночевали около деревень, однако же, со 150 человек ознобили руки и ноги и несколько десятков померло». Шведская армия трое суток простояла в открытой степи в готовности напасть на русских. «В войске их от морозу померло и руки ноги ознобили несколько тысяч человек» [9, с. 295]. Из сообщения генерала Г. Гольца – Петру I о марше зимой 1709 года: «...велик снег зело препятствовал, понеже инфантерия непрестанно по колена в снега маршировать принуждена и тем зело умедляетца» [21, кн. 9, л. 242].

Трудности и лишения не могли формировать в народном менталитете ничего, кроме отрицательных эмоций и устойчивого негативного отношения к войне. Никакие модные европейские веяния с их гротесковой и декоративной иллюзорностью не могли завуалировать драматизма восточной войны и хоть как-то способствовать её популярности среди русского дворянства. Для него «ратная служба» была и оставалась тяжелой государственной повинностью. Главными русскими воинскими ценностями становятся стойкость, неприхотливость, выносливость, выдержка. Вместе с тем массовым явлением среди московских «служилых

людей» становится уклонение и бегство со службы, с которыми тщетно боролись правительства XVII-XVIII вв. Если при Петре I дворянство всё же побаивалось протестовать против обязательной регулярной службы, то после его кончины оно осмелело. Так, после русско-турецкой войны 1735-1739 гг. почти половина офицеров подаёт в отставку. Особенно осложнилось положение со средним и младшим офицерским составом [5, с. 177]. Недаром Манифест о вольности 1762 года, отменивший обязательную военную повинность, вызвал настоящее ликование в среде русского служилого дворянства.

Таким образом, эпоха барокко сыграла важную роль в формировании ментально-нравственных ориентиров русской и западноевропейской культур. Она продолжила сложный и многовековой процесс расхождения Западной Европы и России в культурной рефлексии социально значимых экзистенций. Своеобразие в восприятии войн и военного дела XVII-XVIII вв. можно рассматривать как заметный штрих в многоцветной многообразной палитре самобытных, часто соперничающих и противостоящих друг другу культур.

Список источников

1. **Акты исторические:** в 5-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841-1842.
2. **Артёмов А. Е.** Впечатления французских путешественников о русской культуре последней трети XVIII века // Культура средних веков и нового времени: сборник статей. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 69-79.
3. **Архив Московского государства:** в 3-х т. / под ред. Н. А. Попова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. Т. 1. 802 с.
4. **Архив Московского государства:** в 3-х т. / под ред. Н. А. Попова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. Т. 2. 819 с.
5. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 662 с.
6. **Бобровский П. О.** История лейб-гвардии Преображенского полка: в 4-х т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. Т. 2. 308 с.
7. **Бородин А. В.** Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Петроград: Тип. П. П. Сойкина, 1916. 19 с.
8. **Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева** // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. Ч. III. С. 58-196.
9. **Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого):** в 2-х вып. / сост. Т. С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 635 с.
10. **Гордон П.** Дневник, 1684-1689. М.: Наука, 2009. 354 с.
11. **Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 384 с.
12. **Дворцовые разряды:** в 5-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850-1855.
13. **Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого:** в 6-ти т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1880-1901.
14. **Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией:** в 12-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846-1872.
15. **Желябужский И. А.** Дневные записки // Рождение империи: история России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259-358.
16. **Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера** // Русский архив. М.: Тип. Грачёва, 1872. № 6. 1120 с.
17. **Корб И. Г.** Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 322 с.
18. **Письма и бумаги императора Петра Великого:** в 13-ти т. М. – СПб., 1880-2003.
19. **Письма Петру Великому от Б. П. Шереметева:** в 4-х ч. М.: Тип. Московского университета, 1778. Ч. 2. 384 с.
20. **Проезжая по Московии** / под ред. Н. М. Рогожина. М.: Междунар. отношения, 1991. 367 с.
21. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 109. Отд. II.
22. **Сен-Симон А.** Мемуары [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=122570&p=11> (дата обращения: 12.03.2018).
23. **Сочинения царя Алексея Михайловича** // Московия и Европа: история России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 491-547.
24. **Элиас Н.** О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001.
25. **Элиас Н.** Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. 367 с.
26. **Babeau A.** La vie militaire sous l'ancien regime: en 2 vol. P.: Elibron Classics, 1890. Vol. 2. Les Officiers. 354 p.
27. **Chandler D.** Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. L.: Longman, 1968. 275 p.
28. **Childs J.** Armies and warfare in Europe 1648-1789. Manchester: Manchester University Press, 1982. 225 p.
29. **Churchill W. S.** Marlborough, His Life and Times. L., 1956. 920 p.
30. **Collections des Mémoires relatifs Histoire de France. Mémoires du Maréchal Villars:** en 72 vols. P.: Librairie de la Société de l'Histoire de France, 1828. T. LXIX. 496 p.
31. **Corvisier A.** Armies and societies in Europe. 1494-1789. Bloomington – L.: Indiana University Press, 1979. 208 p.
32. **Corvisier A.** Louvois. P.: Librairie Arthème Fayard, 1983. 558 p.
33. **Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen:** in 12 Bänden. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1878. Bd. 5. 1145 S.
34. **Henderson N.** Prince Eugen of Savoy. N. Y. – Washington: F. A. Praeger – Publisher, 1964. 320 p.
35. **Howard M.** The Causes of Wars and Others Essays. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 286 p.
36. **Junkelmann M.** Kurfürst Max Emanuel von Bayern als Feldherr. München: Herbert Utz Verlag – Wissenschaft, 1979. 593 S.
37. **Letters and Dispatches of John Churchill, Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by John Murray. L.: Albemarle – Street, 1845.
38. **Letters from the Earl Peterborough to General Stanhope in Spain.** L.: Printed by W. Clowes, 1834. 60 p.
39. **Lucowsky J.** The European Nobility in the Eighteenth Century. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 243 p.

40. Lynn J. Battle. A History of Combat and Culture. N. Y.: Basic Books, 2008. 430 p.
41. Lynn J. Giant of the Grand Siecle. French Army 1610-1715. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. 650 p.
42. Lynn J. The Wars of Louis XIV. L. – N. Y.: Longman, 1999. 420 p.
43. Manton L. L'armee de l'ancien regime de Louis XIV a la Revolution. P.: Societe Francaise d'edition d'art, 1890. 331 p.
44. Mémoires de Saint-Hilaire: en 6 vol. / edit. par Leon Lecestre. P., 1912. Vol. 4. 272 p.
45. Mémoires du maréchal de Bassompierre, contenant l'histoire de sa vie et de ce qui s'est fait de plus remarquable à la cour de France pendant quelques années: en 4 vol. P., 1722-1723.
46. Mémoires militaires de Vauban. P., 1847. 205 p.
47. Mitford N. The Sun King. L.: Book Club Associates, 1969. 255 p.
48. Ostvald J. Vauban under siege. Leiden – Boston: Brill, 2007. 391 p.
49. Robb N. William of Orange. A Personal Portrait: in 2 vol. L.: Heinemann, 1966. Vol. 2. 320 p.
50. The Chivalric Ethos and the Development of Military Professionalism. Leiden – Boston: Brill, 2003. 359 p.
51. The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: in 2 vol. / ed. by H. M. Scott. L. – N. Y.: Longman, 1995.

“GALLANT MILITANCY” OF THE WESTERN EUROPEAN BAROQUE

Kutishchev Aleksandr Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
kutishhev@yandex.ru

The article is devoted to the social culture of the Western European and Russian nobility of the XVII-XVIII centuries viewed through the lenses of military affairs. Refinement, mannerism and decorative effect in the Western European society created ideas of the war distracted from the reality. Under the influence of illusory images, the war was overestimated, its perception as a catastrophe bringing death, suffering, destruction faded. The fanciful gallantry of the Baroque formed a kind of “frivolous” militancy of the Western European society. This feature contrasted sharply with the Russian cultural tradition of the war rejection in all its forms and manifestations.

Key words and phrases: European Baroque; manners of the nobility; Louis XIV; gallantry; militancy; luxury; waste; grotesque; decorative effect; “lace war”.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 14.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.19>

Современные исследования в сфере массмедиа, как правило, ведутся на стыке нескольких наук. В данной работе делается попытка объяснения природы массмедиа через философско-культурологический дискурс в аспекте онтологии бессмертия. Автор полагает, что медиа в современном обществе играют роль некоей глобальной конфессии, обслуживая религиозные потребности своих приверженцев. В конечном счете медиа могут выступать в качестве некоего магического предзнаменования идеального состояния человечества, которое можно было бы квалифицировать как состояние некогда потерянного рая, поиски которого не прекратились даже в условиях секуляризованного мира.

Ключевые слова и фразы: бессмертие; массмедиа; идеал; онтология; потребности; аддикция; хронотоп; магия; случайность; миф; медиаобраз.

Цуканов Евгений Александрович, к. филол. н., доцент

Высшая школа печати и медиатехнологий

Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

tukanov@rambler.ru

ПРИРОДА МАССМЕДИА В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИИ БЕССМЕРТИЯ

Достижения современной медицины и геронтологии благодаря более глубокому изучению биологических механизмов жизнедеятельности человека дают надежду на существенное увеличение продолжительности жизни в перспективе. Но эти достижения пока не могут подарить человеку бессмертие.

Проблема бессмертия была поставлена человеком еще во времена глубокой древности и нашла свое выражение в мифах и религиозных ритуалах, в философских концепциях. На протяжении всего своего существования философия пыталась осмыслить проблему человеческого бессмертия. Её виднейшие представители от Платона, Эпикура, Оригена Александрийского и Августина Блаженного до представителей русского космизма – Н. Ф. Федорова, А. Ярославского и др. – предлагали своё видение достижения бессмертия. На современном этапе развития философии проблема онтологии бессмертия в центре внимания таких исследователей, как Л. Е. Балашов [1], В. Варава [3], В. А. Игнатъев [7], С. Г. Семенова, А. Г. Гачева [13], Е. Ширяева [18], Н. В. Пономаренко [11] и др.